

15. Yahoo which is another popular Internet search engine.

To crown it all, the effectiveness of our Methodological Complex lies in the implementation of the new forms of language education via the application of modern information technologies and devices, leading to the improvement of students' linguistic competence and intensification of their motivation to language learning. In other words, this is the basis of the multilingual personality formation of 'Digital Natives' whose level of development largely determines the positive personal self-realization in the present conditions of public relations, its competitiveness and social mobility.

References

1. Herold, S. Madsen. Techniques in Testing / S. Herold. – Oxford University press, 1983.

2. Mauranen, A. English as Lingua Franca: Studies and Findings / Edited by A. Mauranen and E. Ranta. – Cambridge, 2009.

3. Meyer, B., Haywood, N., Sachdev, D., Faraday, S. Independent Learning. Research Report № DCSF-RR051. Learning and Skills Network, UK, 2008.

4. Prokhorova, A. Multilingual Education in Russian Context: European Experience or American Perspective? / A. Prokhorova // Applied Sciences and Technologies in the United States of America and Europe: Common Challenges and Scientific Findings, proceedings of the 2nd International scientific conference. CIBUNET Publishing. – N.Y., 2013. – P. 86 – 89.

5. Prokhorova, A. The Formation of Professionally-Oriented Multilingual Personality of a Future Engineer in Russian Technical University / A. Prokhorova // Transformation of Approaches to Educations in Regions of the World: Experience of Russia, CIS States, Europe States and the USA / ed. by K. Reiss. – N.Y., 2013. – P. 160 – 183.

УДК 81-119; 81-22; 81-23; 81-282.8

З.Г. Прошина

ДИСТИНКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, НЕРОДНОГО ДЛЯ ЕГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур» 24–27 апреля 2014 г.

В работе рассмотрено понятие варианта языка как неродного. В отношении английского языка как языка глобального распространения такой вариант предстает как экзонормативный идиом Расширяющегося круга, согласно теории трех концентрических кругов Б. Качру. В основе варианта лежит его лингвокультурологическое обоснование и следы трансференции родного языка, степень проявления которых зависит от типа лектального уровня билингвального континуума (базилект, мезолект и акролект). Типизированность и системность языковых отклонений, выявляемых в мезолектной и акролектной речи социума, являются признаками варианта, отличающими его от интерязыка индивида.

Вариант языка, английский как международный язык, английский как лингва франка, теория контактной вариантологии, три круга английского языка, лектальные уровни, дистинктивные языковые черты, трансференция, лингвокультурное основание.

A variety, non-native for its users, is under consideration in this work. Named as a world English, which is a part of the language spread globally, such a variety is exonormative and belongs to the Expanding Circle (following B. Kachru's theory of three concentric circles). Any variety is grounded linguaculturally and has traces of an indigenous language transference that is manifest in different degrees on the basilectal, mesolectal, and acrolectal levels of the bilingual continuum. Typical and systemic features of linguistic deviations revealed in the mesolectal and acrolectal level of speech characteristic of the social community differ a variety from a learner's individual interlanguage.

Variety of the language, English as an International Language (EIL), English as a Lingua Franca (ELF), World Englishes Paradigm, three circles of English, lectal levels, distinctive linguistic features, transference, linguacultural basis.

Становление контактной вариантологии и ее основные постулаты. С глобальным развитием и распространением английского языка весьма спорным оказывается вопрос о том, на каком варианте английского языка (АЯ) мы говорим. Очень мало русских билингвов, как с асимметрическим несбалансированным, так и с симметрическим сбалансированным двуязычием, готовы признать, что мы владеем русским вариантом АЯ. Спорность этого во-

проса заставила нас, авторский коллектив российских и зарубежных исследователей (выходцев из России), взяться за проект, поддержанный Cambridge University Press, названный "Russian English", цель которого – описать основные признаки и функционирование варианта АЯ, присущего и типичного для узуса его образованных билингвов.

Современный билингвизм, все более превращающийся в массовый [7] и характерный для почти

всех стран мира, представляет собой параллельное функционирование и взаимодействие языка глобального, коим является английский, и локального, способствуя утверждению *глокальности* [24] – явления, подобного восточному инь и ян, соединяющего противоположности, переходящие друг в друга. Английский язык влияет на локальные языки, а локальные языки оказывают влияние на английский. Рассмотрение проблем такого взаимодействия стало задачей новой концептуальной парадигмы – World Englishes [14], [17], [21], [23], [30], [32], [35], [37], [38], [39], [41], [43], рупором которой выступает международная ассоциация IAWЕ [16], члены которой обсуждают соответствующие проблемы на ежегодных конференциях и в целом ряде международных печатных изданий.

В предисловии к изданию материалов одной из первых конференций IAWЕ, опубликованных под редакцией Ларри Смита [14], основоположник данной парадигмы Бадж Качру и знаменитый британский лингвист Рэндолф Квёрк подчеркнули реальность существования разных вариантов английского языка, как родного, так и неродного, в современном мире. Это варианты, на которых говорят бангладешцы, сингапурцы, малазийцы, тайцы, народы Индии и Филиппин, немцы и др.: "There were almost as many varieties of English – native and non-native, Western and non-Western – as there were participants, including voices from Bangladesh, Singapore, Malaysia, Thailand, India, the Philippines, New Zealand, Britain, Germany, and the USA. Numerous cultural, linguistic, ideological and other differences could be found among the participants, but they all had this one thing in common: all of them used the English language to debate, discuss, and argue questions which concern both native and non-native users of English, as well as global uses of English in various sociolinguistic contexts in different parts of the world" [14, p. xiii]. Глобальное использование АЯ происходит в разных социолингвистических и лингвокультурных контекстах – эта чрезвычайно важная мысль нашла свое подтверждение в многочисленных дальнейших работах исследователей со всего мира.

Основой парадигмы стало признание смены бицентричности АЯ, который раньше был представлен всего двумя вариантами – британским и американским – плюрицентричностью, под которой понимается сосуществование нескольких *стандартных* вариантов в письменной и устной формах на территориях, где они контактируют с другими (локальными) языками и обособлены от своих прототипических вариантов. Основоположники вариантологии подчеркивают, что все варианты равны, что ни один вариант не имеет преимуществ перед другими вариантами в плане культурного доминирования. Каждый вариант отражает свою культуру.

В настоящее время существует несколько плюрицентричных языков [2], [26] – среди них немецкий, испанский, французский, португальский и др., встает уже вопрос и о вариантности русского языка [10] – но их описание еще не столь полно, как АЯ, что очевидно связано с глобальным распространением последнего.

Многообразие вариантов нашло отражение в целом ряде схематизаций, и одна из самых распространенных моделей – теория трех концентрических кругов Качру [20], показывающая, что, условно говоря, все варианты АЯ можно разделить на три группы:

1. Варианты, являющиеся родными для большинства пользователей стран и функционирующие во всевозможных функциях – это варианты Внутреннего круга.

2. Варианты, выступающие как вторые официальные языки в своих государствах, куда они когда-то были перенесены в эпоху колониализма – это так называемый Внешний круг.

3. Варианты Расширяющегося круга, функционирующие главным образом в сфере межкультурной коммуникации. Россия, разумеется, относится к странам Расширяющегося круга.

Поскольку все абсолютно варианты могут функционировать в межкультурном общении, и носители и неносители АЯ должны быть подготовлены к такому общению, английский как лингва франка, или язык-посредник в коммуникации, является общей функцией всех вариантов, как это представлено в модели Люка Продрому [27].

Согласно теории трех концентрических кругов, варианты отличаются статусом своей нормы в каждом из кругов [19]. Варианты Внутреннего круга Качру назвал нормообеспечивающими, ибо именно они служат образовательными моделями для изучающих и осваивающих АЯ. Варианты Внешнего круга – норморазвивающие – именно здесь идет быстрое формирование новых норм, которые постепенно кодифицируются и становятся языковым стандартом. Варианты Расширяющегося круга – нормозависимые от моделей, представленных вариантами Внутреннего круга. Особенность вариантов Расширяющегося круга в том, что они характеризуются гораздо большим разнообразием норм, поскольку могут ориентироваться на модели британского, американского, австралийского, новозеландского, канадского, ирландского, южноафриканского и других вариантов, в зависимости от потребностей пользователей АЯ. Необходимо акцентировать, что вариантами называются все World Englishes, как родные, так и неродные для их пользователей.

Соответственно, нормообеспечивающие варианты имеют свои собственные стандарты, или *эндо-нормы*; нормозависимые варианты характеризуются *экзонормами*, т.е. ориентацией на нормы других вариантов, а в норморазвивающих вариантах идет становление *эндо-норм*, конкурирующих с *экзонормами*. Например, в индийском, филиппинском и ряде других азиатских вариантов нормой становится использование множественного числа у существительных, считающихся в британском и американском вариантах неисчисляемыми, а в азиатских вариантах воспринимаемых как дискретные: *equipments, furnitures*.

Кодификация все новых и новых вариантов АЯ, по крайней мере в их устной форме (так называемый Standard Spoken English), затронула уже очень много вариантов Внутреннего и Внешнего кругов, что отражено в новой книге Кембриджского издательства

под редакцией Раймонда Хики “Standards of English” [36], описывающей становление новых норм в австралийском, новозеландском, канадском, шотландском, ирландском, мальтийском, южноафриканском, западноафриканском, восточноафриканском, южноазиатских, карибских и других вариантах АЯ.

Определение варианта. Итак, что можно считать вариантом языка, какие параметры должны учитываться, чтобы признать вариант как таковой? Бытует мнение, что вариантом можно считать только такой идиом, который имеет свои собственные нормы и языковые стандарты [11], [13]. В этом случае в Расширяющемся круге мы не можем говорить о вариантах. А если это не варианты, то что это?

Существуют три основных ошибочных, как нам представляется, представлений об идиомах Расширяющегося круга.

1. Многие отождествляют вариант с моделью обучения: например, многие русские считают, что они говорят на британском или американском варианте.

2. Другие считают, что в Расширяющемся круге мы должны говорить о лингва франка и только, т.е. о языке-посреднике, а не о варианте.

3. Третьи ассоциируют вариант с интеръязыком учащихся (learner’s English).

Что касается первого представления, оно является заблуждением, потому что модель – это идеал, к которому мы стремимся при изучении языка, а социолингвистическая реальность такова, что в действительности результат речевой продукции далеко не всегда и чаще всего не совпадает с образовательным идеалом [33]. То, что учащийся получает на входе (input), совсем не равно тому, что он производит на выходе (output), и это проявляется в акценте, иногда – грамматике, особенно в синтаксисе, в отборе лексик, в дискурсивных признаках речи.

Английский как лингва франка (ELF) – всего лишь одна из функций языка, используемого в межкультурном общении, и, как мы уже говорили, ELF присущ как носителям, так и носителям языка, которые вынуждены подстраиваться под своего билингвального инокультурного собеседника. Несмотря на то, что лингва франка – посредническая функция – для вариантов Расширяющегося круга является основной, она не единственная. Сегодня можно уже твердо утверждать, что русские пользуются английским языком в разных областях – в том числе как средством обучения (хоть и в ограниченном масштабе), как креативным средством (существует уже и художественная литература на АЯ, созданная русскими авторами), не говоря уже о средствах массовой информации и использовании в других сферах. Именно поэтому второе представление о статусе русского варианта АЯ является ограниченным и недостаточным.

Третье представление обусловлено близостью понятий «вариант» и «интеръязык», но, несмотря на кажущуюся схожесть, они кардинально отличаются друг от друга. Интеръязык, в отличие от варианта, не имеет социальной природы [12]. Это индивидуальное, психолингвистическое явление, показывающее

статичный застывший (на определенный момент) уровень владения языком учащимся.

В отличие от интеръязыка (концепт которого разработан в методике преподавания английского как второго / иностранного языка американским лингвистом Ларри Селингером [34]), вариант представляет собой социальное явление, это многомерный динамичный функциональный континуум, используемый билингвами с разным уровнем владения языком и в разных функциях. Многомерность социального варианта заключается в том, что он представляет совокупность разных лектальных зон:

– *акролекта* – стандартного подварианта который используется в формальных ситуациях хорошо образованными пользователями;

– *мезолекта* – подварианта, ориентированного на стандарт разговорного языка, используемого образованными пользователями в неформальной ситуации общения или в ситуации, когда по каким-то причинам они утрачивают полный контроль над своей речью (усталость, взволнованность и другие причины могут вызвать отпечаток трансференции языковых черт родного языка);

– *базилекта* – свойственного малообразованным пользователям с начальным билингвизмом; подварианта, для которого характерна чрезвычайно высокая степень языкового смешения / гибридации, именно потому его именуют гибридным термином: Chinglish, Ruslish, Japlish, Hinglish и т.п.

Все эти три лекта в совокупности представляют собой вариант, используемый определенным лингвокультурным социумом, поэтому нельзя ассоциировать вариант лишь с одним лектом; такая ассоциация уместна лишь в случае интеръязыка.

Рассматривая варианты Внешнего круга, Платт, Вебер и Хо [25] выделили четыре параметра, необходимые для признания варианта:

1. Использование в образовательной системе. (Если приложить к этим параметрам русский вариант АЯ, мы видим расширение этой функции в связи с новыми требованиями к нашим университетам, вынужденным предлагать англоязычные курсы в связи с необходимостью удовлетворения требований академической мобильности и соответствию принципу интернационализации образования).

2. Расширение узуса у пользователей-носителей языка (что, безусловно, применимо и к нашему варианту).

3. Расширение функций АЯ (Это тоже имеет место в России – появляются новые функции в рекламе [40], в языковой игре [8], [31], появляется художественная литература, написанная русскими на АЯ – О. Грушина, Л. Вапняр, А. Улинич и др.).

Локализацию и нативизацию АЯ мы также наблюдаем в русском варианте английского языка, где имеются – особенно на мезолектном уровне – типичные системные отклонения от нормы в речи образованных билингвов (в этом проявляется локализация АЯ), а английский язык, которым мы пользуемся, способен выражать нашу культуру с ее культурными концептами (аккультурация, или нативизация АЯ)

(см. работы школы В.В. Кабакчи [1], [3], [4], [5], [18]).

Обратимся к лингвистическим словарям и посмотрим, как в них определяется термин *вариант* языка. Принятое в отечественной социолингвистике определение варианта, которое мы, в частности, находим в словаре под редакцией В.Ю. Михальченко, предполагает, что «вариант – это форма существования языка, представляющая собой *модификацию инварианта*, в качестве которого выступает 1) система и структура языка или 2) норма языка. Варианты языка возникают в результате дифференциации языка под воздействием различных *экстралингвистических факторов*» [9, с. 35]. Действительно, существующие варианты АЯ представляют собой модификации эндонорм, но сегодня мы уже вправе говорить не об одной норме, а нескольких кодифицированных нормах АЯ. Роль экстралингвистических факторов и, в первую очередь, культуры, здесь несомненна.

Зарубежные лингвисты считают, что о вариантах можно говорить тогда, когда между относительно однородными явлениями возникают различия [22]. Варианты АЯ различаются своими дистинктивными признаками, включающими уже зафиксированные инновации и узуальные девиации / отклонения от прототипического варианта [30]. Дистинктивные признаки вариантов выделяются при исследовании типичных признаков, свойственных образованному речевому социуму – на уровне акролекта и мезолекта. Примерами *инноваций* могут быть реалии и неологизмы, в которых проявляется языковая креативность пользователей языка, например: в японском АЯ – *silver seat* «места для пожилых людей в общественном транспорте»; в нигерийском АЯ *go-slow* «дорожная пробка»; в корейском АЯ – *skinship* «крепкая дружба»; в русском АЯ – *Palace of Culture, groupmate* и др. Инновации характерны не только для лексического уровня, они встречаются на любом уровне. Например, в китайском английском слово *qigong* демонстрирует фонографические новшества: необычное чтение буквы Q и на графическом уровне – отсутствие за ней буквы U. *Девиации* – это лишь языковые тенденции отклонения от давней нормы, что тоже может проявляться на разных языковых уровнях, в том числе и в вариантах носителей языка, как, например, в британском английском отмечается расширение употребления Progressive Tenses. По сути, девиации находятся на полпути между типичной ошибкой и инновацией нормы [30].

Пример яркой лексической девиации был найден нами на одном из австралийских сайтов, посвященном китайской культуре и китайской диаспоре на Зеленом континенте [15], где слово *beautiful* встретилось в совершенно необычном употреблении – женщина, о которой идет речь, – вовсе не красавица. Значение слова в данном контексте – *благородный, сильный духом*. И это не единичное употребление. Мы встречаем его употребление в отношении к мужественной учительнице, которая спасла своих учеников, кинувшись под автобус, в результате чего ей ампутировали обе ноги; в отношении к водителю, спасшему своих пассажиров; солдату, обгоревшему

при спасении людей. Это нововведение находит все больший узус в китайском английском, постепенно перебирается в австралийский английский, но еще не закреплено словарями, разве что отражается в СМИ.

Русский вариант АЯ имеет еще мало закрепленных инноваций, поскольку он обладает экзонормой, а не эндонормой. Но типичные отклонения от нормы в речи образованных русских мы можем наблюдать на разных языковых уровнях. Например, на фонетическом уровне – особая интонация, неразграничение долгих и кратких гласных, отсутствие аспирации, замена межзубного согласного, оглушение конечных согласных и др. На уровне морфологии – недоиспользование перфекта и артикля, как, например, в предложениях, использованных в докладах преподавателей АЯ на международных конференциях: *Such words had different spelling in their history; It means that the proper noun loses its lingual status; in most countries typical EFL curriculum includes*.

Можно ли сказать, что это типичные ошибки? Да, до определенной поры в речи индивида мы можем считать их ошибками, но в речи социума они становятся определенными тенденциями узуса, а, как известно, узус довлеет над нормой. В нашем случае указанные признаки были собраны в мезолектной речи образованных русских – знание этих отклонений дает возможность собеседникам из других культур лучше понимать наших коммуникантов, а нашим коммуникантам – стремиться к акролектному использованию языка, приближающемуся к норме его носителей.

В синтаксисе девиации выявляются в построении атрибутивных цепочек (русские предпочитают не препозитивное употребление определений, а предложное постпозитивное: *the form of the 19th century* < *the 19th century form*; порядке слов (в определительной группе: *the problem "generation gap"* < *the generation gap problem*; в предложении – топикализация дополнения: *Mornings we usually spent at the beach*), отсутствии союза в группе из трех и более однородных членов (*.. way to safety, constancy, tranquillity* < *... safety, constancy, and tranquillity*) и т.д.

На дискурсивном уровне русский английский оказывается маскулинно-ориентированным языком, не страдающим от избыточной политкорректности: *The lexical units involved in our study concern man as social being, his activities...* Порою для русского английского характерна избыточная вербализация: *the process of globalization; it becomes the result of an elaborate fraud*. Нередко англоязычная речь русских кажется иностранцам слишком категоричной из-за избытка императивных структур, отсутствия литот и смещений отрицания: *I think I cannot do that* < *I don't think I can do that. His dream came true only in 1900.* < *His dream did not come true until 1900.*

Все эти признаки проявляются в речи лингвистически образованных пользователей и позволяют идентифицировать их как русских билингвов, успешно использующих английский язык для своих коммуникативных целей. Часть дистинктивных признаков, свойственных их речи, как и речи других

русских пользователей, постепенно закрепляется в устной и письменной формах дискурса в разных сферах деятельности, превращаясь в инновации; другая часть скорее рассматривается пока как типичные ошибки – это узуальные отклонения, которые порой проявляются и в вариантах Внутреннего и Внешнего кругов и свидетельствуют об определенных тенденциях в изменении норм английского как международного языка (EIL). Этот вопрос очень острый и требует специального исследования.

Заключение. Таким образом, лингвистическая революционность вариантологической парадигмы заключается в следующих признаках: признании плюрицентричности одного языка, вызывающей разномыслие равноправных с лингвокультурной стороны вариантов, признании доминирующим принципа функциональности (парадигма выросла из функциональной лингвистики М. Хэллiday), вариативности и инклюзивности (включение в парадигму все большего количества вариантов; включение в объект рассмотрения все больших сфер деятельности и т.д.) [29].

Литература

1. Антонова, А.М. Лексика русского православия в англоязычном тексте и словаре: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Антонова. – СПб., 2002.
2. Варианты полинациональных литературных языков / под ред. Ю.А. Жлуктенко. – К., 1981.
3. Дудченко, Л.Ю. Православный компонент в англоязычных наименованиях русских икон: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Ю. Дудченко. – СПб., 2010.
4. Егорова, К.А. Лингвистические особенности бытовой лексики туризма на материале аутентичных англоязычных путеводителей по России: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.А. Егорова. – СПб., 2013.
5. Кабакчи, В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – СПб., 1998.
6. Качру, Б. Мировые варианты английского языка: агония и экстаз / Б. Качру // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. XIV. – Вып. 4. – № 75 – 76. – С. 145 – 165.
7. Ривлина, А.А. О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – Т. 37. – № 1. – С. 61 – 66.
8. Ривлина, А.А. Об основных приемах современной англо-русской языковой игры / А.А. Ривлина // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков / под общ. ред. И.Ю. Щемелева. – Вып. 3. – СПб., 2011. – С. 86 – 96.
9. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Михальченко. – М., 2006.
10. Сулейменова, Э.Д. К осмыслению вероятности варианта русского языка в Казахстане / Э.Д. Сулейменова // Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.). – Helsinki, 2010. – С. 252 – 265.
11. Bruthiaux, P. Squaring the circles: Issues in modeling English worldwide / P. Bruthiaux // International Journal of Applied Linguistics. – 2003. – V. 13. – № 2. – P. 159 – 178.
12. Davies, A. Is International English an interlanguage? / A. Davies // TESOL Quarterly. – 1989. – V. 23. – №. 3. – P. 447 – 467.
13. Dröschel, Y. Lingua franca English: The role of simplification and transfer / Y. Dröschel. – Bern a.o., 2011.
14. English for Cross-Cultural Communication / L. Smith (ed.). – N.Y., 1981.
15. Goldman, A.C. “Most beautiful pregnant woman” safe and sound / A.C. Goldman. – 2012. – August 2. – URL: <http://www.danwei.com/most-beautiful-pregnant-woman-safe-and-sound/>
16. International Association for World Englishes. – URL: <http://www.iaweworks.org/>
17. Jenkins, J. World Englishes / J. Jenkins. – London; N.Y., 2003.
18. Kabakchi, V.V. The Dictionary of Russia: Англо-английский словарь русской культурной терминологии / V. Kabakchi. – St. Petersburg, 2002.
19. Kachru, B.B. Models for non-native Englishes / B.B. Kabakchi // Readings in English as an International Language / Edited by Larry E. Smith. – Oxford, N.Y., Toronto, a.o., 1983. – P. 69 – 86.
20. Kachru, B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism / B.B. Kachru // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / R. Quirk and H.G. Widdowson (eds.). – Cambridge, 1985. – P. 11 – 30.
21. Kirkpatrick, A. World Englishes: Implications for International Communication and English Language Teaching / A. Kirkpatrick. – Cambridge, 2007.
22. Matthews, P. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics / P. Matthews. – Oxford, 2003.
23. Melchers, G. World Englishes / G. Melchers, P. Shaw. – London, 2003.
24. Pakir, A. Connecting with English in the context of internationalization / A. Pakir // TESOL Quarterly. – 1999. – V. 33. – № 1. – P. 103 – 114.
25. Platt, J. The New Englishes / J. Platt, H. Weber and Ho Mian-lian. – London, 1984.
26. Pluricentric languages: Differing norms in different nations / M. Clyne (ed.) – Berlin ; N.Y., 1992.
27. Prodromou, L. English as a Lingua Franca. A corpus-based analysis / L. Prodromou. – London ; N.Y., 2008.
28. Proshina, Z.G. Deviations or mistakes? Considerations in the Paradigm of World Englishes / Z. Proshina. // Best Practice in ELT. 6th FEELTA International conference on language teaching. Conference proceedings. – Владивосток, 2007. – P. 14 – 20.
29. Proshina, Z.G. Language revolution behind the cultural curtain: Presidential address delivered at City University of Hong Kong, Hong Kong, on December 7, 2012, at the 18th conference of the International Association for World Englishes / Z. Proshina // World Englishes. – 2014. – V. 33. – №. 1. – P. 1 – 8.
30. Proshina, Z. The ABC and controversies of World Englishes / Z. Proshina. – Хабаровск, 2007. – Available at: <http://proshinazoyag.weebly.com/>
31. Rivlina, A.A. ELF creativity and English-Russian language play / A.A. Rivlina // Культурно-языковые контакты. – Владивосток, 2008. – Вып. 10. – P. 98 – 117.
32. Seargeant, P. Exploring World Englishes. Language in a global context / P. Seargeant. – London and New York, 2012.
33. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca / B. Seidlhofer. – Oxford, 2011.
34. Selinker, L. Interlanguage / L. Selinker // Error Analysis: Perspectives on Second Language Acquisition. / Ed. by J.C. Richards. – London, 1974. – P. 31 – 54.
35. Siemund, P. The amazing world of Englishes. A practical introduction / P. Siemund, J. Davydova, G. Maier. – Berlin; Boston, 2012.

36. Standards of English: Codified Varieties Around the World / Hickey, Raymond (ed.). – Cambridge, 2012.

37. The Handbook of World Englishes / B. Kachru, Y. Kachru, C. Nelson (eds.). – Malden, MA, USA: Oxford, UK: Carlton, Victoria, Australia, 2006.

38. The Other Tongue: English Across Cultures / B. Kachru (ed.). – Urbana & Chicago, 1992.

39. The Routledge Handbook of World Englishes / A. Kirkpatrick (ed.). – London; N.Y., 2010.

40. Ustinova, I. English and emerging advertising in Russia / I. Ustinova // World Englishes. – 2006. – V. 25. – № 2. – P. 267 – 278.

41. World Englishes 2000. Selected Essays / L. Smith, M. Forman (eds.). – Honolulu, 1997.

42. World Englishes: Critical Concepts in Linguistics / Edited by K. Bolton and B.B. Kachru. – V. 1 – 6. – London; N.Y., 2006.

УДК 81'35

О.С. Сальникова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Н.П. Павлова

ПИСЬМО ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ ДЕТЬМИ 8 ЛЕТ: ДЕВИАЦИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ОТСТУПЛЕНИЙ ОТ СЛОГОВОГО ПРИНЦИПА РУССКОЙ ГРАФИКИ

*Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции
«Взаимодействие языков и культур» 24 – 25 апреля 2014 г.*

В статье рассматриваются особенности усвоения детьми младшего школьного возраста русской графики: отступлений от слогового принципа с учетом когнитивных особенностей детей 8 лет.

Русская графика, отступления от слогового принципа русской графики, письмо детей 8 лет, графо-орфографические девиации, сверхгенерализация.

The paper considers the features of primary school children's mastering Russian graphics: deviations from the syllabic principle taking into account the cognitive characteristics of 8 year old children.

Russian graphics, deviations from the syllabic principle of Russian graphics, children's writing, grapho-spelling deviation, over-generalization.

Ребенок дошкольного и младшего школьного возраста осваивает письмо как определенную систему без исключений, при этом основным для ребенка является обобщение. Склонность к восприятию системы без исключений прослеживается и в этапах освоения письма ребенком дошкольного возраста:

1) понимание ребенком факта, что устную речь можно передать на письме с помощью специального буквенного кода;

2) усвоение начертания графического образа отдельных букв;

3) усвоение написания отдельных слов (слово выступает в роли нечленимого комплекса);

4) письмо по правилам, усваиваемым эмпирически;

5) усвоение слогового принципа русской графики;

6) усвоение отступлений от слогового принципа русской графики;

7) переход к пониманию морфологичности русской орфографии [6, с. 38].

При этом, переход от одного этапа к другому не имеет четких границ: дети 8 лет нормативно передают написания, основанные на морфологическом принципе русской орфографии, но испытывают трудности при написании слов типа *ёлка*, *йогурт*, выходящих за пределы привычной системы.

Данной особенностью обусловлены графо-орфографические девиации и девиации при передаче отступления от слогового принципа русской графики, в которых нарушается графическая закономерность: *сенсарный* (сенсорный) (Кирилл Б., 7), *моензз* (майонез) (Алиса О., 8, Миша К., 8), Трудность для детей заключается в несистемности, в исключении названных правил из общих графических правил.

«Буква Е после букв, обозначающих твердые согласные (из числа парных), пишется обычно в заимствованных словах» [3, с. 109]. Укажем, что девиации в использовании буквы Е после букв, обозначающих твердый согласный из числа парных (нейтрализация графической функции буквы Е) в письме заимствованных слов учениками 2 класса (общее количество респондентов – 21) отмечены в двух случаях в письме одного ребенка: *рзйтинг*, *интэ/ернет* (представлены два варианта: Е и Э). Написания типа *интернет* как проявления отступления от слогового принципа русской графики у 95 % детей соответствуют норме. Возможно, на подобные написания оказывает влияние низкая частотность употребления буквы Э после твердых согласных в нарицательных словах. В.Ф. Иванова указывает на то, что написание буквы Э после твердых согласных отмечено в трех словах: *мэр*, *сэр*, *пэр* [3, с. 110].

Гласные Ё и О в составе сочетаний ЁО, ЁО нахо-